

Без слов, без действий, будто в следующую секунду свет погаснет, занавес откроется, и все радости и горести человеческой жизни превратятся в волны в его глазах, а зрители в зале с радостью утонут в них.

Это чувство было крепче, чем выдержанный виски, только что попавший на язык.

— Гу Чуньлай?! — вырвалось у Сяо Жофэя. — Что ты здесь делаешь?

Он думал, что говорил тихо, вокруг было шумно, а тот человек находился далеко, вне его досягаемости. Эти слова, казалось, упали в воздухе, медленно покрываясь пылью, чтобы никогда больше не быть поднятыми.

Сяо Жофэй усмехнулся. Он явно начал галлюцинировать. Как Гу Чуньлай мог оказаться в таком месте?

Опираясь на стену, он сделал два шага назад, собираясь уйти, но неожиданно тот человек, словно в замедленной съемке, медленно повернул голову.

Это был он. Действительно, Гу Чуньлай.

В следующую секунду он, словно провалившись в пустоту, с грохотом упал и больше не смог подняться.

Сяо Жофэй не понимал, почему самые нелепые моменты его жизни всегда оказывались на виду у Гу Чуньлая.

Первый и единственный раз, когда он напился до беспамьятства.

После расставания с Бай Яньнанем.

Сейчас.

И тот день, когда они впервые встретились.

Двенадцать лет назад, 26 сентября.

Это был день регистрации в Киноакадемии.

Это место было наполнено будущими звездами, студентов было много, а журналистов ещё больше, и везде толпились люди, будто в три слоя.

Конец сентября, осенний зной не ослабевал, солнце в три-четыре часа дня было огромным и ядовитым, способным содрать с человека кожу. Сяо Жофэй, который три месяца провёл в Северной Европе, спасаясь от жары, не выдержал такого натиска. Даже если оставалось совсем немного для завершения процедур, он не хотел двигаться, мечтая найти тенистое место под деревом.

Неизвестно, то ли его ударил осел, то ли накатил навозный жук, но Сяо Жофэй считал, что в восемнадцать лет он может справиться со всем миром, что взрослый человек всемогущ. Когда мать предложила ему взять с собой ассистента для регистрации, он наотрез отказался, желая доказать всем, что он уже вырос.

И вот результат: бегая туда-сюда, он провёл целый день в хлопотах и до сих пор не получил ключи от общежития.

Сяо Жофэй, измученный жарой, присел под большим деревом, чтобы немного отдохнуть. Неожиданно, оглянувшись, он увидел, что рядом стоит человек, держа в руке термос и жадно пьёт воду.

Это зрелище только усилило его жажду.

Возможно, заметив его взгляд, тот человек отодвинул термос от губ, опустил голову и посмотрел на него. Они смотрели друг на друга, будто что-то проверяя.

После мгновения тишины, словно по невидимой команде, они одновременно произнесли:

— Однокурсник, если не возражаешь, можно мне попить воды?

— Хочешь попить воды?

Фразы были одинаковыми, ритм идеально совпал. Сяо Жофэй рассмеялся, покатываясь от смеха. Через мгновение он пришёл в себя, но заметил, что тот человек не проявил никакой реакции, продолжая спокойно вытирать термос, сохраняя невозмутимое выражение лица, без тени удивления или радости.

Сяо Жофэй почувствовал себя неловко. Чтобы не выглядеть дураком, он поспешно протянул руку и представился:

— Однокурсник, меня зовут Сяо Жофэй, факультет режиссуры. А тебя?

— Гу Чуньлай. Актерский факультет.

С этими словами он положил наполненный водой стаканчик ему в ладонь.

Сяо Жофэй поблагодарил и залпом выпил воду, но сделал это слишком резко и поперхнулся.

Когда он закашлялся, словно пытаясь выплюнуть лёгкие, он почувствовал, как чьи-то руки легли на его спину, твёрдые и сильные, слегка прохладные, мгновенно успокоив его нестерпимый жар.

— Тебе лучше?

— Тебе лучше?

Знакомый голос неторопливо проник в уши Сяо Жофэя, разбудив его от сна и выведя из воспоминаний.

Сон закончился, и последствия вчерашнего опьянения нахлынули на него.

Его голова будто была придавлена тяжёлой глыбой, веки налились свинцом, тело словно избил мастера боевых искусств и бросили в воду, всё было не так.

— Поспи ещё?

Он отчаянно искал спасительный плот в океане, резко схватил что-то и почувствовал прохладную руку. Та рука не отстранилась, не отдернулась, а, напротив, слегка наклонилась вперёд, прикрыв его пылающий лоб.

Холодный пот исчез, невыносимый жар тоже, только неоспоримая сила проникла через кожу в

его мышцы, успокоив учащённое сердцебиение.

— Угу. Ещё немного посплю, — пробормотал Сяо Жофэй в полусне.

Сверху раздался лёгкий смешок, затем более мягкий голос:

— Хорошо, спи, а я приготовлю тебе лапшу.

Лапшу?

Сяо Жофэй внезапно проснулся.

Он открыл глаза и потратил несколько минут, чтобы, преодолевая боль в мышцах, подняться.

Перед глазами был спокойный бежевый цвет, интерьер был старомодным, стены украшены фотографиями, в углу стояли настенные часы. Во всём этом не было ничего общего с его домом.

Костюм, который он помнил на себе, исчез, рядом аккуратно лежали белая рубашка, серые джинсы и чёрное нижнее бельё, ни одна из вещей не принадлежала ему.

Сяо Жофэй схватил одежду, собираясь уйти, как вдруг услышал голос неподалёку:

— Проснулся? Проснулся — вставай, поешь лапши. Вчера вечером ты сильно устал.

Через несколько секунд в комнату вошёл человек в белой рубашке и серых джинсах, поверх которых был надет льняной фартук, в левой руке он держал палочки, в правой — миску. В миске — жёлтый и красный цвета, плавали зелёные луковые перья, без капли масла, аромат был приятным. Это была любимая лапша Сяо Жофэя с помидорами и яйцом.

Этот человек был Гу Чуньлай.

Оказывается, вчерашние события не были сном.

Сяо Жофэй замер на кровати, глядя на лапшу в руках Гу Чуньлая, хотел взять, но не решался.

— Это твой дом? — с подозрением спросил он.

— А чей же ещё?

— ...Как я сюда попал?

Он помнил только, что вчера вечером, напившись до потери сознания, хотел найти место, чтобы прийти в себя, но неожиданно встретил Гу Чуньлая. Как он покинул «Хэйчао» и оказался в доме Гу Чуньлая — этого он не помнил.

Гу Чуньлай по-прежнему был терпелив, отвечая на его бессмысленные и глупые вопросы:

— Тащил, тянул и даже на руках нёс. Кстати, я поменял постельное бельё, твою одежду отправил в стирку. На кровати лежит чистая одежда, включая нижнее бельё, всё выстирано, можешь надевать.

Сяо Жофэй покачал головой. Ну и ну, подумал он, это действительно тот самый Гу Чуньлай, такой же, как и раньше.

Словно между ними не было восьми лет отчуждённости.

— Нет аппетита? Это же лапша с помидорами и яйцом, — Гу Чуньлай намеренно сделал паузу.

— Рецепт Яньнана, твой любимый идеальный способ приготовления, разве нет?

Увидев, что Сяо Жофэй всё ещё не реагирует, Гу Чуньлай вздохнул, сел на край кровати с озабоченным видом и продолжил:

— Не переживай, эти мелкие секреты — ничто, только небо знает, земля знает, ты знаешь и я знаю, больше никто не узнает. Забудь о вчерашнем вечере, брат, сегодня новый день.

Гу Чуньлай смотрел на Сяо Жофэя с предельной серьёзностью, в его взгляде не было и намёка на шутку.

Они смотрели друг на друга, и вдруг Сяо Жофэй громко рассмеялся, выпалив:

— Ты говоришь, как будто мы с тобой спали вместе?

Гу Чуньлай слегка замешкался, прищурился, словно о чём-то размышляя. Сяо Жофэй подумал, что одержал верх, но неожиданно тот наклонился, приблизившись к его уху.

Расстояние между ними сократилось настолько, что они могли слышать дыхание друг друга.

— Жофэй, спали мы с тобой или нет... твоё тело знает лучше меня.

— Ну и как? Мы действительно провели ночь вместе? — Сяо Жофэй отвернулся, сжав губы, глядя на него. — Тогда, господин Гу Чуньлай, расскажи, как я себя показал? Ты доволен?

В ответ на насмешливый взгляд Сяо Жофэя Гу Чуньлай первым сдался.

— Много лет не виделись, а твоя выдержка после алкоголя так ухудшилась. Вчера вечером ты публично вырвал на меня, из-за чего мне пришлось сразу же отправить только что надетую одежду в стирку. Как ты думаешь, это можно рассказывать?

— Врёшь, ты же всё ещё в белой рубашке и джинсах... Подожди, неужели ты купил несколько одинаковых комплектов и меняешь их каждый день?

Гу Чуньлай скривился, пробормотав:

— Выбирать одежду действительно утомительно, — затем пододвинул лапшу к Сяо Жофэю и размял руки.

Сяо Жофэй тоже не стал церемониться, сделал вид, что массирует ему плечи, затем взял миску и палочки и без лишних слов начал жадно есть.

Он сразу понял, что это действительно был его любимый вкус.